

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

РУССКО-КАРЕЛЬСКИЕ СЛОВАРНЫЕ ЗАПИСИ XVII—НАЧАЛА XVIII в.

Сложившиеся в течение веков устойчивые экономические, политические и культурные связи между карелами и русскими определяют все стороны жизни карельского народа.

Памятником этих культурных и языковых связей являются словарные русско-карельские записи, сохранением которых мы обязаны древнерусскому рукописному наследию.

Привлекаемые сейчас нами к изучению рукописные материалы не могут быть названы ни совершенно новыми, ни абсолютно неизвестными. Тем не менее для их исследования сделано еще до сих пор чрезвычайно мало. Прежде всего они нуждаются в филологически точном, строго проверенном издании.

Одна из записей может быть отнесена к середине XVII в., другая, очевидно, к самому началу XVIII в.

Первая из издаваемых записей сохранилась в одном из списков так называемого „Азбучного (Алфавитного) патерика“ бывшей библиотеки Соловецкого монастыря. В связи с событиями Крымской войны монастырь подвергся обстрелу английского флота, и рукопись в 1855 г. в числе других была вывезена в Казань и передана там в библиотеку Духовной академии. В составе Соловецкой коллекции рукопись была описана проф. Порфирьевым в изданном им „Описании рукописей Соловецкого монастыря“.¹

Во втором томе названного труда мы читаем об интересующей нас записи следующее: „На заднем переплетном листе и доске записано несколько слов и фраз на карельском языке русскими буквами и с переводом. Слова и фразы эти, судя по их характеру, записаны каким-нибудь должностным монахом для переговоров с прислугой из карел.

„Например: *Вирита тули* — зажги огонь; *ися тулда* — высеки огня; *пючи перти* — паши избу; *улошь* — вынеси; *канна* — вон; *ношша* — подойди, подай; *матать* — умеешь; *карлакси* — покорельску; *парся* — порусску; *юмала гухъ* — бог помочь; *шула* — затвори; *ови* — дверь; *еккуно* — окошко, и так далее.

Более всего названий разных предметов домашнего обихода, некоторых животных и рыб“.

Как будет видно из дальнейшего, проф. Порфирьев неточно прочитал запись и поэтому неверно передал многие русские и особенно карельские слова.

¹ Описание рукописей Соловецкого монастыря, т. II. Казань, 1885, стр. 188.

В 1901 г. известный исследователь финско-славянских языковых отношений гельсингфорский проф. И. Миккола в финском филологическом журнале „Virittäjä“¹ опубликовал небольшую заметку, посвященную этой записи.

Не имея возможности ознакомиться со всей записью в подлиннике, И. Миккола пользовался только теми сведениями, которые даны в „Описании рукописей“. Поэтому все неверные прочтения русских и карельских слов, допущенные Порфирьевым, перешли и в финно-угроведческие комментарии И. Миккола. Он ставит знаки вопроса против слов „ношша — подойди, подай“ и „парся — порусску“. По его мнению, человек, производивший записи, не понимал карельского языка. Это видно, указывает автор заметки, из слов „улошъ“ и „канна“, которые в записи объяснены с измененным порядком слов. Кроме слов „ношша“ и „парся“, объяснения кажутся финскому исследователю понятными. Интересно, по его мнению, запись „*matam*“, указывающая на форму *mahtat*, которая в настоящей Русской Карелии, по наблюдениям исследователя, произносится как *mahat*.

В заключение И. Миккола высказывает пожелание, чтобы все остальные рукописи бывшего Соловецкого монастыря, в том числе и не перевезенные в Казань в 1855 г., были подвергнуты подробному исследованию, так как они могут содержать еще что-либо, касающееся Карелии.

В 1903 г. русский ученый А. Л. Погодин в дополнение к статье проф. В. Н. Перетца „Русско-карельский словарь по рукописи начала XVIII столетия“ (см. стр. 23) кратко изложил на русском языке содержание заметки И. Миккола.²

Через тридцать один год после появления первой работы в 1932 г. проф. И. Миккола снова обратился к разобранному им ранее материалу, опубликовав заметку „Древние карельско-русские словарные записи“.³ Теперь он воспользовался полной копией всей записи, переданной ему в 1902 г. известным финским языковедом Юрьё Вихманом. И. Миккола в своей публикации расшифровывает большую часть как карельских, так и русских записей и отмечает, что четыре слова написаны так неясно, что он их не смог разобрать. Он присоединяет к своей расшифровке алфавитный список карельских слов с переводом их на финский язык и высказывает предположение, что карельский диалект, засвидетельствованный в записи, по-видимому, относится к таким, в которых согласный звук „с“ в начале слова перед гласными переднего ряда не перешел в звук „ш“. По его мнению, записавший эти слова стремился отразить отсутствие смягчения согласных перед звуком „и“ (см. написание „*каттыла*“, „*рыкат*“).

Недавно чл.-корр. АН СССР М. П. Алексеев обратил внимание исследователей на „Азбуковники“ XVI—XVII вв., имеющие большое значение для истории русской филологической науки и общей истории культуры. Эти памятники свидетельствуют об относительно высоком уровне, которого достигло практическое изучение языков в Московском государстве, и о разнообразии языковедческих интересов. Среди

¹ Mikkola. Karjalaisia sanoja XVII vuosisadalta. „Virittäjä“, Helsinki, 1901, стр. 101—102.

² „Русский филологический вестник“, Варшава, 1903, № 3—4, стр. 159.

³ I. I. Mikkola. Vanha karjalais-venäläinen sanaluettelo. „Virittäjä“, Helsinki, 1932, стр. 101—104.

прочих материалов М. П. Алексеев указывал и на те русско-карельские словарные записи, которые рассматриваются в нашей статье.¹

Этим и ограничивается изучение рассматриваемого нами памятника. Главной задачей продолжает оставаться точное в филологическом отношении издание текста, его прочтение, его интерпретация в свете карельской и русской диалектологии.

Первая по времени русско-карельская запись была найдена, как упоминалось выше, в одной из рукописей бывшей библиотеки Соловецкого монастыря. Это — рукопись № 473/648,² содержащая текст „Азбучного (Алфавитного) патерика“, расположенных в алфавитном порядке жизнеописаний святых, преимущественно монахов. В составе рукописи 272 листа размером в четвертую долю (точный размер 19.5 × 15 см). Переплет из досок обделан в кожу с остатками медных застежек. Основной текст рукописи написан одним почерком — мелким полууставом, переходящим в скоропись.

Для датировки рукописи имеет некоторое значение приписка, находящаяся на л. 188: „Благословение великих московских святителей Петра, Алексея, Ионы и Филиппа, скорых помощников и теплых заступников и молебников ко спасу о душах наших“. Как известно, всероссийская канонизация митрополита Филиппа (Колычева) произошла в 1652 г. по почину царя Алексея Михайловича и бывшего в то время митрополитом новгородским Никона, до того в течение ряда лет игумена Соловецкого монастыря. Филипп до своего возведения Иваном IV на митрополичью кафедру всея Руси был тоже соловецким игуменом. Упоминание имени Филиппа рядом с именами Петра, Алексея и Ионы говорит о том, что рукопись вряд ли написана до 1652 г. С другой стороны, она, по-видимому, не может быть датирована позднее так называемого „Соловецкого разорения“ 1668—1676 гг.

Словарная запись находится на последнем листе рукописи (274 — по старой разметке) и на листе, которым оклеена внутренняя сторона заднего переплета. Почерк словарной записи резко отличается от почерка основного текста и представляет собою еще более мелкий полуустав, почти переходящий в скоропись и написанный позднее другой рукой (см. запись № 1).

На л. 274 сначала идут четыре с половиной строки текста, не имеющего отношения к словарной записи и связанного по содержанию с патериком. Этот текст содержит вопрос канонического характера и ответы на него, которые впоследствии, во время распространения старообрядчества беспоповского толка, приобрели особую остроту. Приводим этот текст полностью: „Вопрос: Аще случитца человеку в велицей болести и не будет игумена, азъ ли епископу постричи его? Ответ: Не токмо епископу, но и попу, и диякону. А не будет попа и диякона, а при смерти и причетник пострижет“.

Текст написан тем же почерком, что и вся книга.

Далее другим, позднейшим, почерком записаны отдельные слова и словосочетания на карельском языке с параллельным их переводом на русский язык. Всего на этом листе можно прочитать около тридцати

¹ М. П. Алексеев. Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбучниках XVI—XVII вв. Сб. статей акад. В. В. Виноградову, к его шестидесятилетию. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 29—30.

² В 1927 г. рукопись вместе с другими материалами бывшего Соловецкого собрания поступила из Казани в Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде. Ее шифр: Сол 706/648.

таких парных записей. Приводим их в порядке последовательности, начиная с левого верхнего угла сверху вниз.

<i>Опаштат</i> — учу.	<i>Щука</i> — <i>гавги</i> .	<i>Ланги</i> — упала.
<i>Магат</i> — умеешь.		<i>Вужи</i> — год.
<i>Карлакси</i> — покорѣл- ску.		<i>Пидя</i> — надоби.
<i>Венегекши пайся</i> — по- руску.		<i>Мата</i> — спать.
<i>Юмала абух</i> — богъ на помочь.	<i>Авген</i> — окунь.	<i>Тулов</i> . ¹
<i>Пирти</i> — изба.	<i>Терве</i> — здоров.	Будет лѣневъ.
<i>Ласа</i> — пусти.	<i>Авуттав</i> <?>. Илля — напрс <?>.	<i>Сярги</i> — плотица.
<i>Линна</i> — город. ²	<i>Ано</i> <?>. <i>Шувя</i> — вѣсти.	<i>Куй</i> — тулов <?>.
<i>Тегека</i> <?>	<i>Вайвун</i> — пристав.	<i>Сявня</i> ³ — язи.
<i>Еккуна</i> — окошко.	<i>Лукку</i> — замок. <i>Авань</i> — ключ.	<i>Лагна</i> — лесть.
	<i>Затвори</i> — шула. <i>Ови</i> — двери.	
	<i>Холодно</i> . ⁴	

Приводим записи на листе, приклеенном к внутренней стороне заднего переплета:

<i>Вирита тули</i> — зажги огонь.	<i>Сиби</i> — крыло.	<i>Гири</i> — мышь.
<i>Тушъ</i> — свеча.	<i>Шула</i> — перо.	<i>Кирикко</i> — церковь.
<i>Вага</i> — воск.	<i>Кази</i> — кошка.	<i>Ристи</i> — крестъ.
<i>Келло</i> — колокол.	<i>Койра</i> — собака.	<i>Кирюта</i> — пиши.
<i>Тулукусят</i> — огниво.	<i>Гукко</i> — волк.	<i>Сирита</i> ⁵ — погляд<и>.
<i>Тагья</i> <?> — труд.	<i>Лисица</i> — <i>ребо</i> .	<i>Ношша</i> — подойм<и>.
<i>Ися тулда</i> — высечь огня.	<i>Нюбля</i> — пуговка.	<i>Уголъ&е</i> — <i>или</i> .
<i>Вашта</i> — вѣтникъ.	<i>Ойгала</i> — направо.	<i>Кивга</i> — пѣщъ.
<i>Пюги перти</i> — паши избу.	<i>Рове</i> — коробка.	<i>Луда</i> — миса.
<i>Улош</i> — вынеси. <i>Кан-</i> <i>на</i> — вон.		<i>Шола</i> — соль.
<i>Пайка</i> — плат.		<i>Рыкать</i> — мело<?>. ⁶
<i>Ялешта</i> — назад.		<i>Рипута</i> — повѣсь.
<i>Ведро</i> — <i>ренги</i> .		<i>Вазмал келля</i> — на- лѣво.

¹ Зачеркнуто.

² Перед „линна“ одно слово не прочитано.

³ С правой стороны, несколько выше, написаны три или четыре карельских слова, прочитать которые не представляется возможным. (Второе слово можно прочитать *улконе* — наружу, на улице). Перевода в тексте нет.

⁴ Слово зачеркнуто.

⁵ Можно читать *силита*.

⁶ Выше написаны два неразобранных слова.

Дно — *погя*.
Обруч — *ванны*.
Бревно — *иржи*.

Каттыла — котел.
Пада — горшок.

Кровля — *каты*.
Доска — *лавда*.

В правом нижнем углу листа написано другим почерком скорописью: „Вопрос: Аще случитца... тебе<?>“. Эти слова представляют собою повторение начальных строк предыдущего листа.

Таким образом, на листе мы находим еще 46 пар слов и словосочетаний. Всего в записи читается 76 парных соответствий, из которых 6 — цельные выражения.

Как было замечено выше, автор „Описания рукописей“ неправильно прочитал и понял несколько русских и карельских слов. Отметим все замеченные нами ошибки: *пючи перти* нужно читать — *пюги перти*; *матать* нужно читать — *магат*; *ношша* — подойди, подай, нужно — подойми (т. е. подними); *парся* — поруску, нужно — *венегекиши пайся* — поруску; *юмала гухъ* — бог помочь, нужно *юмала абух*; *ися тулда* — высеки огня, нужно читать *высечь* огня.

Все эти неточности прочтения, естественно, вызвали недоумение проф. И. Миккола; устранение их делает понятным значение всех приведенных слов и словосочетаний.

Следует остановиться на графической и палеографической стороне публикуемого памятника.

Звук „у“ в начале слова передается всегда сочетанием букв „оу“, в середине и в конце слов — буквой „ук“ <3>.

Звук „о“ в начале слов изображается всегда w, в середине и в конце слов — буквой „о“.

Буква „я“ в начале слов пишется обычно как йотованное „а“ (ia); после согласных пишется как „юс малый“ (a).

Вместо буквы „ю“ в слове „ключ“ написана буква „у“.

Буквы „е“ и „ѣ“ пишутся в соответствии с традицией, кроме слова „надоби“, где находим вместо „ѣ“ „и“. Последнее можно рассматривать как отражение северновеликорусского диалекта.

Звук „йот“ или „й“ как в карельских, так и в русских словах обычно изображается как выносной знак над строкой ('). Например: „па'ся“, „ко'ра“, „подо'ми“ и др.

Буква „т“ в конце слов иногда пишется над строкой в виде значка „“.

Автор записи, по всей видимости, испытывал затруднения при передаче звуков „г“ и гортанного придыхательного „h“ в карельских словах. В соответствии с этим в записи встречаются два совершенно различных по начертанию письменных знака: один — близкий к обычной букве „г“, но с несколько удлинненной влево и вниз горизонтальной черточкой; другой — также близкий по начертанию к той же букве, только вытянутый кверху и загнутый влево над строкой. Первый знак находим как в начале слова, так и в середине, например в русских словах „год“, „б<о>гъ“, „город“, „огонь“, „огня“, „огниво“, „погляди“. Этот же знак читаем в карельских словах *венегекиши*, *лагна*, *вага*, *авен*, *пюги*, *пог'я*, *иржи*, *гукка*, *ири*, *или*. Этот знак должен соответствовать придыхательному согласному звуку „h“. Второй знак читаем главным образом лишь в середине слова перед гласными. Он виден в русских словах „зажги“, „горшок“ и в карельских словах *ланги*, *рени*, *шуга*, *кива*; оба знака читаются в карельском слове *гавги*: первый знак — в начале слова, второй — в середине, перед гласной

974

Въспы.
вспыш
а п. п.
Вага

буквой „и“. В русском слове „пуговка“ первоначально был написан первый знак, а затем исправлен на второй. Очевидно, данный знак соответствует заднеязычному взрывному согласному звуку „г“.

Порядок слов в записи непоследователен. Но в большинстве случаев пишется сначала карельское слово или словосочетание, а справа его перевод на русский язык. Иногда перевод записывается ниже слова. В ряде случаев мы наблюдаем обратный порядок: сначала записано русское слово, а затем его перевод на карельский язык. В таком порядке даны словарные пары: „щука — *gavgi*“, „лисица — *ребо*“, „ведро — *ренги*“, „дно — *погя*“, „доска — *лавда*“.

Как уже было правильно отмечено проф. И. Миккола, переводы слов „*уллош* — вынеси“ и „*канна* — вон“ даны ошибочно с измененным порядком слов. Далее следует слово „*рыкать* — (мусор)“. Все сочетание слов „вынеси вон мусор“ в целом понято и передано по-русски совершенно верно. Других ошибок в переводах слов и выражений мы не обнаруживаем. Поэтому столь решительно высказанное проф. И. Миккола мнение, что писавший якобы совсем не понимал карельского языка, не может быть нами поддержано.

Лексика записей достаточно разнообразна. Мы встречаемся прежде всего с названиями предметов домашнего обихода и быта. Сюда относим такие слова, как „*пирти*“ или „*перти* — изба“, „*лукку* — замок“, „*авань* — ключ“, „*ови* — дверь“, „*еккуна* — окошко“, „*уголькье* — *или*“, „*кивга* — пѣшь“, „*вашта* — вѣник“, „ведро — *ренги*“, „бревно — *иржи*“, „*пада* — горшок“, „доска — *лавда*“, „*рове* — коробка“.

Далее следует отметить названия животных, домашних и диких: „*кази* — кошка“, „*койра* — собака“, „*гукка* — волк“, „лисица — *ребо*“, „*гири* — мышь“.

Представлены в записях и названия некоторых рыб Карелии: „щука — *gavgi*“, „*гивен* — окунь“, „*сярги* — плотица“, „*сявня* — язи“, „*лагна* — лещ“.

Ряд слов и выражений связан с религией и церковным бытом, что вполне естественно, так как записи производились в монастыре. Сюда относим: „*кирикко* — церковь“, „*тушь* — свеча“, „*вага* — воск“, „*ристи* — крест“, „*келло* — колокол“, наконец, выражение „*юмала абух* — богъ на помощь“.

Среди названий действий и состояний мы тоже встречаем преимущественно такие, без которых невозможно устное общение: „*мата* — спать“, „*шувя* — есть“, „*вирита* — зажги“, „*кирюта* — пиши“, „*ношша* — подойми (подними)“ и др.

Имеются в записи и наречия: „*ялешта* — назад“, „*вазмал келля* — налево“, „*ойгала* — направо“.

Таким образом, мы имеем возможность признать отвечающим действительности предположение, высказанное проф. Порфирьевым, о том, что настоящая запись могла преследовать цель облегчить устное общение монахов монастыря с их слугами <„трудниками“>, из которых, несомненно, многие были карелы. Диалектологическая интерпретация этих записей представляет очевидный интерес и должна составить содержание особой работы.

Морфологическое оформление читаемых в записи карельских и русских слов таково: большинство отмеченных слов относится к именным частям речи, реже встречаются глаголы и еще реже — наречия.

Имен существительных мы отметили 41; имя прилагательное одно („*терве* — здоров“); глаголов и глагольных форм 17; наречий 7.

Именные части речи представлены записью в своей начальной форме.

Разобранные нами записи имеют большое значение для изучения истории карельского языка. Они доказывают большую устойчивость его основного словарного фонда, грамматического строя и фонетической системы, которые в основном сохранились без существенных изменений в течение более трехсот лет.

Подводя итог сделанному нами анализу, мы имеем возможность утверждать, что исследуемая запись составлена тем самым лицом, которое производило наблюдения над речью карел, т. е. является автографом. Составителем записи, очевидно, был кто-то из старших представителей монашеской братии Соловецкого монастыря, имевший дело с так называемыми „трудниками“ карельской национальности. Запись сделана для того, чтобы облегчить повседневное бытовое общение с ними. Очевидно, мы здесь встречаемся с широко распространенным вплоть до конца XIX в. обычаем: юноши из русских и карельских сел, расположенных в Поморье и в Обонежье, по обету уходили из своих семей на один-два года в Соловки и несли трудническое послушание, выполняя различные работы как на самом острове, так и в многочисленных вотчинах, разбросанных по берегам Белого моря. Для руководства и надзора за этими „годовиками“ назначался обычно один из начальствующих „старцев“ монастыря. Таким и был, по всей видимости, составитель записи. Он, без сомнения, был грамотным русским человеком. Но он также понимал и карельскую речь, так как записал ее без существенных ошибок, правильно как со стороны звучания, так и со стороны смысла. Вероятно, ему приходилось при записи иметь дело с карелами — уроженцами различных сел.

Вторая запись может быть датирована самым началом XVIII в. Она сохранилась в составе одного из рукописных сборников бывшего собрания П. П. Вяземского. До 1930 г. сборник находился в Музее Общества любителей древней письменности, в настоящее время он хранится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под шифром: Вяз. О № LVIII.

Свыше пятидесяти лет тому назад записью заинтересовался известный исследователь древнерусской литературы В. Н. Перетц. В 1903 г. им была опубликована статья (в журнале „Русский филологический вестник“), в которой сообщались краткие сведения о составе рукописи в целом, приводились некоторые данные для ее датировки, а также делалась попытка расшифровки как русской, так и карельской части записи.¹

В. Н. Перетц констатировал, что рукопись написана хорошим полууставом, судя по почерку — относится к первой половине XVIII в. и представляет собою сборник статей „преимущественно календарного, справочного характера“. Далее Перетц обращал внимание на заметку, которая читается на л. 37 рукописи и на основании которой следует заключить, что рукопись писалась и переписывалась в старообрядческой культурной среде.

Вслед за этим В. Н. Перетц рассматривал заметки, которые сохранились на листах, приклеенных к внутренней стороне передней и задней доски переплета, современного составлению сборника. Заметки

¹ В. Н. Перетц. Русско-карельский словарь по рукописи начала XVIII столетия. „Русский филологический вестник“, Варшава, 1903, № 3—4, стр. 148—150.

писаны небрежной скорописью начала XVIII в., носят хозяйственный, торговый характер и состоят из указаний на цены различных хлебных товаров и расчетов за провоз этих товаров водными путями, впоследствии преобразованными в Мариинскую систему. Приведенные данные также помогают определить социальную среду, в которой возник и бытовал памятник, и установить дату написания. По-видимому, замечает В. Н. Перетц, сборник принадлежал какому-то торговцу хлебом, ведшему торговлю на севере, в Карелии. Этому лицу при заключении договоров и сделок с карельским населением было необходимо хотя бы немного знать карельский язык. В конце сборника — может быть, им, а может быть, и каким-то другим лицом — составлена данная запись. В статье В. Н. Перетц приводит словарь буквально, сохраняя орфографию подлинника. Рядом со словами, имеющимися в словаре, автор статьи в виде дополнения приводит финские параллели существительных в именительном падеже и глаголов в неопределенной форме. Финские слова Перетц берет из словаря Эллен Каяндер.¹

Русская и особенно карельская части словарной записи переданы в транскрипции В. Н. Перетца не вполне точно и буквы прочитаны иногда ошибочно. Это касается главным образом таких букв, как „н“ и „и“, а также, по-видимому, букв „з“ и „э“.

В. Н. Перетц не входил в рассмотрение достоинств и недостатков изданного им словаря, представляя это специалистам-финно-угроведам. Он лишь бегло останавливался на семантической характеристике включаемых в запись слов. Словарик, по мнению автора статьи, следует рассматривать как показатель культурных сношений русских колонизаторов и купцов с карелами в XVII в. К статье В. Н. Перетца присоединена небольшая заметка А. Л. Погодина по поводу работы проф. И. Миккола, посвященной записи в соловецком сборнике. Кроме того, А. Погодиным составлены некоторые отдельные примечания к финским словам, приведенным Перетцом в качестве параллелей. Указанными статьями и заметками ограничивается все написанное по поводу данного памятника. В дальнейшем памятник оказался несправедливо забытым и не привлекал больше внимания исследователей.

Вторая рукопись (в восьмую долю листа, размер 13 × 7,5 см) написана четким церковнославянским полууставом двумя различными почерками. Первая часть сборника содержит статьи, как отмечал В. Н. Перетц, не календарного и справочного, а скорее астрологического характера. Это — пособие для вычисления дней празднования пасхи и связанных с этим пасхалических и астрологических понятий. Вычисления сопровождаются рисунками и отдельными замечаниями, дающими мистическое истолкование злободневным событиям конца XVII в. Одна из таких заметок была использована В. Н. Перетцом в целях датировки памятника и определения среды его возникновения. Эта заметка находится на л. 37, в статье о кометах. Приведем ее полностью:

„Того же году в неделю Фомину в Российском государстве умре царь Феодор по прорицанию страдалецъ Аввакума и иже с ним. Иже тогда их прежде своей смерти в святой великий пост в Пустозерском городке огнем сожег. Они же ему прорекоша по себе скоро коньчину и на суд пред богом стати“.

¹ Эллен Каяндер. Новый русско-шведско-финский словарь по новейшим источникам. Гельсингфорс, 1899.

В приведенных словах говорится о казни протопопа Аввакума в Пустозерском остроге в апреле 1682 г. и последовавшей затем смерти царя Федора Алексеевича. Оба события старообрядцы связывали между собою и давали им мистическое толкование. Таким образом, данная заметка не только указывает на возникновение сборника в старообрядческой среде, как уже отмечал В. Н. Перетц, но и позволяет определить *terminus post quem* — не ранее восьмидесятых годов XVII в.

Другая статья, обнаруженная нами на л. 29 <47>, называется „Рука обновления индикту“ и помогает уточнить дату написания сборника примерно до десятилетия. Там мы читаем: „Индикт обновляется в 15 лет. Было обновление индикту 421. Обновилось 7216 лета... будет ему обновление паки... 7231“. Отсюда следует вывод, что статья составлена не ранее 1708-го и не позднее 1723 г. Такая датировка памятника подтверждается и палеографическими данными, и записью на листах, которыми оклеены внутренние стороны переплета. Приведем эти записи полностью:

„...а грешнева прииде в Ладози куль по 26. От Ладоги до Вытегры за провоз дано за куль, а по числу их беша сто восемь куль. Тогоже числа дома взяли семени 5 куль, гороху три куля, да в мелкой расход Павлу Ефимову две маленки. Ивану Ермакову — одна. Да Никанору Семенову на дорогу в Питер... Вытегры поиде к Питеру за куль... от Вытегры до Сермаксы за провоз дано по десять, взойде на куль от постоялого за зимовку по три денги. Там же омолочено 90 куль. Омолотя, на куль взойшло по 3 и по 4 и по полуденги“.

На задней стенке переплета читается: „...Всех денег вышло на тое муку на 500 куль — 512 и 5, а полденги — кроме пошлыны. Всех денег вышло из Нижнего до Питера на рожь и муку ржаную и пшаничную и... и крупу и семя и горох... И всего в выкупях денех... Остався муки 636 куль да куль 20 крупы и ржи на Вытегре в трехстах в тридцати осми и двадцети одном альтине и в пяти деньгах, кроме пошлыны“.

Из приведенных счетных записей становится ясно, что владелец, а возможно, и составитель сборника вел достаточно крупные операции по торговле хлебом в районе между Петербургом и Нижним Новгородом. Это был, по всей видимости, достаточно зажиточный торговец, принадлежавший к старообрядчеству.

Русско-карельская словарная запись, как отмечено выше образует вторую часть сборника, написана другим почерком, занимает лл 181—184 и отделена как от предшествующих, так и от следующих за нею статей несколькими чистыми листами. Она озаглавлена „Именованье вещем“ и (в отличие от записи семнадцатого века) расположена в порядке русского алфавита. Русские слова записаны столбцом с левой стороны листа, карельские слова, параллельные им, занимают правую сторону. Всего в записи мы находим 116 таких пар. Среди них несколько словосочетаний и целых выражений с переводами к ним. Кроме того, на л. 183 об. и на л. 184 под заголовком „Прошения“ мы читаем 22 высказывания с соответственными переводами к ним. Русское слово „лыжа“ оставлено без перевода. Не переведено и выражение „спаси бог“.

Остановимся на графической и палеографической стороне записей.

Почерк рукописи представляет собою четкий полуустав. Буквы „и“ и „н“ не везде ясно различаются. Наряду с буквой „и“ употребляется иногда буква „i“, впрочем без особой последовательности. Для пере-

дачи карельского согласного звука „h“ всегда употребляется буква „г“. В соответствии с карельскими гласными переднего ряда „ä“, „ö“, „y“ систематически пишутся обычные гласные „а“, „о“, „ю“. Долгие гласные, передаваемые на письме сочетанием двух одинаковых гласных, например „аа“, передаются начертанием лишь одной русской гласной „а“. В словах, как правило, проставлены знаки ударения: над русскими словами они отмечены верно, над карельскими проставлены произвольно. Кроме того, обращают на себя внимание своеобразные значки под гласными буквами в карельских словах. В отдельных случаях этими значками, как кажется, могли отмечаться гласные переднего ряда: *айя*, *ловвинъ* и др. В соответствии с графической традицией кирилловского славянского письма при начальных гласных проставлены значки придыхания; в карельских словах эти значки даются без особой системы и иногда встречаются и не над начальными гласными. Звук „у“ как в русских, так и в карельских словах передается буквами „ук“ и „ижица“, причем без особой системы. Буквы „е“ и „ѣ“ в русских словах употребляются в соответствии с общепринятой орфографической традицией XVII в. Все это позволяет нам сделать вывод, что писавший был русским грамотным человеком, но не знал карельского языка. Если первая запись представляет собой, без сомнения, автограф, то вторая, вероятно, не является автографом и, возможно, прошла через руки нескольких переписчиков. Особенно убедительным становится это предположение, если мы обратим внимание на своеобразное употребление в карельских словах буквы „з“ на месте карельского гласного звука „е“, например в словах: „животъ — зло“, „житие — *зяндя*“, „там — *сизла*“, „там ли — *сизляго*“. Очевидно, в предшествующей рукописи для передачи карельского гласного звука „е“ в начале слова или после гласных была употреблена буква „э“, а последующий писец смешал ее по начертанию с буквой „з“. Это становится понятным, если мы припомним, что буква „э“ была введена в русскую графику лишь в 1707—1710 гг. в связи с реформой письменности и принятием гражданской азбуки. Последний же переписчик, как нами показано выше, принадлежал к старообрядцам и поэтому мог не знать этого буквенного начертания или сознательно его игнорировать.

Далее мы помещаем весь текст словаря в соответствии с тем, как он записан в рукописи; чтения, предлагаемые в статье В. Н. Перетца, в тех случаях, если они не совпадают с нашими, и наши замечания приводим в подстрочных примечаниях.

Лист 181 (по прежней нумерации — 159)

Именованія вѣщѣмъ,
бесѣды и глаголанія
языка русска.

Именованіе вѣщей,
бесѣды и гла[гола]нія
языка карѣльска.

Азъ

А

мия¹

б<о>гъ

Б

юмала

б<о>жество

юлалусъ²

б<о>жия, б<о>жий

юмаланъ

¹ В. Н. Перетц читал *мия*.

² Вместо *юмалус*.

б<о>жественный	юмалагине
буди	олахъ
брату	велми ¹
братецъ	вельлюонъ
бей	люо
бить	люодю
бѣлка	орава
бобръ	мая<ва>
буди здрав	оле тервегена

В

видѣние	наго
видиш ли	натко
вѣдаеш ли	тиятко
вѣдаеш ли о православии,	тиятко православия,
о правой вере	ойгияя вѣруа
выдра	сарва

Лист 181 об. (159 об.)

г<о>споди И<с>у<с>е Х<ри>-	Рухты нас Ис<ус>е ²
сте, с<ы>не б<о>жий,	Христе, пойга юма-
помилуй мя грешного	ланъ, армасса милма
	ряхкагиста

Г

говори	пагая
гони	ая
грехъ	ряхка
гладъ	наля
голени	саретъ
гибель	гявितюсь
губитель	гавиттяя
градъ	линна
гора	вара
горд	кория ³
гордость	кореусъ
горносталя	пордымо

Д

дань	ведо
дай	анна
дѣлай	лай
добро дѣлай	гювя лай
досады не дѣлай	сататуста еля лай

Лист 182 (160)

досаждайся от инѣихъ	сататате муйста
дорого ⁴	каллис
дели надвое	я кагекси

¹ Вместо *велли*.² Вместо *Рухтынас*.³ Перетц: *кория, корня*.⁴ Вместо *„дорого“*.

девица	<i>нейчютъ</i>
дерево	<i>пу</i>
держи	<i>пия</i> ¹
дверь	<i>ови</i>

Е

есть	<i>онъ</i>
есть ли	<i>онъго</i>

Ж

животъ	<i>эло</i> ²
житие	<i>эляндя</i> ³
жди	<i>вуотъ</i>
железо	<i>равда</i>

З

здѣ	<i>тяля</i>
злоба	<i>пагусъ</i>
зло, или худо	<i>пага</i>
затвори	<i>салба, или суле, или</i> <i>пане умбе</i>

И

изба	<i>перти</i>
------	--------------

К

купить	<i>оста</i>
--------	-------------

Лист 182 об. (160 об.)

купи	<i>осса</i>
колко	<i>мин' верда</i>
куница	<i>нядя</i>
квас	<i>ваасса</i>

Л

ломи хлеб	<i>котса лейбя</i> ⁵
лежи	<i>веню</i>
лыжа	—
лосось рыба	<i>логи кала</i>
лисица	<i>ребо</i>
лось	<i>гирви</i>

М

м<о>л<и>тва	<i>молитво</i>
м<а>ти	<i>мамо</i>
масло	<i>вои</i>
мертвый	<i>куолия</i>

¹ В рукописи *тия*.

² Перетц: *эло* (может быть, *эло* — прим. А. Погодина).

³ Перетц: *эландя*.

⁴ Ошибочно „купица“.

⁵ Вместо *катка*.

мертвъ
много
медведно
много ли лѣтъ
мой

куоллутъ
айя
конды анта ля
айяго вуотта
миунъ

Н

наш
нашолъ

меянъ
ловвинъ

Лист 183 (161)

Нашол <ли> <?>
неси
наемъ

ловтитко
канна
палъкка

П

продай
по чему, или что взят
принеси
прибавъ

мюо
мида мюоте ти оттаа¹
туо
лизя

Р

ради чего
радуйся
рысь

минъ тяге
игастелете
илвес

С

слово
спаси богу
слыши
слышите
слышиш ли
слышелъ ли

сана
—
куле
кулга
кулетро²
кулитго

Т

тебе
тамъ
там ли
ты
твое

сиоула
сиэла³
сиэляго⁴
сия
сиоунъ

Лист 183 об. (161 об.)

твердо или крепко
терпи
терпишь

луя
тирпа, или кяржи
тирпатъ⁵

¹ Вместо *ми оттаа*.

² Вместо *кулетго*.

³ Перетц: *сиэла*.

⁴ Перетц: *сиэляго*.

⁵ В рукописи *пирпатъ*.

ОѸ

оугаръ	<i>качку</i>
оугорель	<i>качкуввун</i> ¹
оумре	<i>куоли</i>
оуснуль	<i>оуйной</i>

Х

хорошо или добро	<i>ювя</i>
хлеб	<i>лейбя</i>
холодно	<i>вилу</i>

Ъ

о<те>Ѹъ	<i>тато</i>
---------	-------------

Ц

цена	<i>гинда</i>
------	--------------

Ч

что цены	<i>ми гинда</i>
чево хошъ	<i>мида таго</i>
что возмешъ за лисицу	<i>мин отать ревоства</i>

Ш

широко	<i>левия</i> ²
--------	---------------------------

П р о ш е н и е

дай хлеба	<i>анна лейбя</i>
-----------	-------------------

Лист 184 (162)

продай хлеб<а>	<i>мюо лейбя</i>
дай квасу	<i>анна васса</i>
прошу м<и>л<о>сти	<i>кюзюна армуа</i>
Товар покажи	<i>товари ожюта</i>
товару	<i>товара</i>
обогрей от морозу	<i>ляммитя пакказеста</i> ³
пожалуй, пусти ночевать	<i>лаже юода осемахъ</i> ⁴
накорми	<i>сюота</i>
напой	<i>юота</i>
осмь	<i>сюва</i>
пита	<i>ява</i> ⁵
хочю	<i>тягон</i> ⁶
хочеш ли	<i>тяготто</i> ⁷

¹ Перетц: в рукописи неразборчиво.

² Перетц: *левия*.

³ В рукописи *пмназоста*.

⁴ Вместо *олемах*.

⁵ Вместо *юва*.

⁶ Вместо *тагонъ*.

⁷ Вместо *тяготто*.

Этими „прошениями“ заканчивается словарная запись.

Обратимся к семантической характеристике записей. Большинство слов и выражений относится к бытовой лексике. Это — названия предметов первой необходимости и действий, например существительные: „хлеб — *лейбя*“, „масло — *вои*“, „квас — *васса*“, „дверь — *ови*“, „изба — *перти*“, „дерево — *пу*“, глаголы: „накорми — *сюота*“, „напои — *юота*“, „принеси — *туо*“, „дай — *анна*“, и др. Это — лексемы, принадлежащие основному словарному фонду языка, выражения, без которых невозможно наладить повседневное общение между людьми.

В записях мы находим слова, обозначающие степень родства, семейные отношения людей различных возрастов: „брат — *велли*“, „братецъ — *вельюонъ*“, „мать — *мамо*“, „отец — *тато*“, „девица — *нейчютъ*“; некоторые слова и выражения, определяющие физическое и душевное состояние человека: „гладъ (голод) — *наля*“, „угар — *качку*“, „холодно — *вилу*“, „уснул — *оуйной*“, „умер — *куоли*“, „мертв — *куоллутъ*“, „терпи — *тирпа*“, „радуйся — *игастелете*“, „будь здрав — *оле тервегена*“. Обращают на себя внимание слова и выражения, связанные с торговой деятельностью: „купи — *осса*“, „продай — *мюо*“, „продай хлеб — *мюо лейбя*“, „товар — *товара*“, „прибавь — *лизя*“, „цена — *гинда*“, „что цены — *ми гинда*“, „что возьмешь — *мин отатъ*“, и др.

В словаре встречается довольно много названий животных, преимущественно диких и главным образом пушных зверей: „белка — *орава*“, „бобр — *мая(ва)*“, „выдра — *сарва*“, „горносталя (горностаи) — *пордымо*“, „рысь — *илвес*“. Сюда же условно можно отнести такие слова, как: „лось — *гирви*“, „лосось рыба — *логи кала*“. Любопытным представляется нам выражение „медведно“, т. е. много медведей, которое по-карельски передано словосочетанием „*конды анта ля*“, т. е. буквально: „медведь, многократно давай“.

Обращает на себя внимание в записях группа слов и выражений, обусловленная проповедью православия. Возможно, при этом имелось в виду так называемое „древнее благочестие“, т. е. старообрядчество. Как известно, в конце XVII — начале XVIII в. на территории нынешней Карельской Автономной Советской Социалистической республики находился один из важнейших центров так называемого „поморского согласия“ — старообрядческий Выго-Лексинский скит, иначе Данилова пустынь. В экономической жизни близлежащих карельских районов монастырь играл в те годы выдающуюся роль. Представители старообрядчества занимались (наряду с торговлей) миссионерством, обращением карельских охотников и рыболовов в свою старообрядческую веру, для того чтобы закабалить их экономически. С этим было связано и внушение церковно-религиозной морали: необходимости покорности богу, смирения и терпения. Эти отношения отражены в записи следующими словами и выражениями: „бог — *юмала*“, „божество — *юмалус*“, „божия, божий — *юмаланъ*“, „божественный — *юмалагине*“, „ведаешь ли о православии — *тиятко православия*“, „о правой вере — *ойгияя вѣруа*“, „грех — *ряхка*“, „горд — *кория*“, „добро делай — *ювя лай*“, „досады не делай — *сататуста еля лай*“, „терпишь — *тирпатъ*“, „прошу милости — *кюзюна армуа*“, и др. Наконец, в запись включен полный текст так называемой „молитвы Иисусовой“ с дословным переводом ее на карельский язык. Эта запись, несомненно, старообрядческая, поскольку в ней имя „Исус“ написано с одной буквой „и“. Мы знаем, что в старообрядческом скитском быту названной молитве придавалось очень большое значение: ее полагалось произносить

перед тем, как отпереть дверь и войти в помещение. Поэтому ее заставляли учить наизусть.

Заметим, что вообще в записи, особенно в начале ее, явно преобладают слова из церковной практики и соответствующей стилистической окраски. Мы находим здесь: „буди здрав“, а не „будь здоров“, „гладь“, а не „голод“, „градь“, а не „город“, „досаждайся“ и т. п. В дальнейшем эта церковная стилистическая окраска утрачивается, и мы читаем: „хорошо“, „холодно“, „дерево“, „пусти ночевать“, „хочеш“ и „хочеш ли“, и др. Каких-либо местных диалектных особенностей русской лексики в записях нет, кроме, пожалуй, слова „медведно“.

Диалектологический анализ этой записи должен составить предмет особой работы.

Необходимо отметить наличие в словаре довольно большого количества слов, заимствованных в различные эпохи из русского языка. Сюда следует отнести такие слова, как „православие — *православия*“, „вера — *въруа*“, „грех — *ряхка*“, „железо (руда) — *ровда*“, („а“ в рукописи), „квас — *ваасса*“, или „*васса*“, „мать — *мамо*“, „терпи, терпишь — *тирпа*, *тирпатъ*“, „отец — *тато*“.

Сравнение второй записи с первой показывает, что ряд слов в обеих записях совпадает. Отметим здесь следующие слова: „лисица — *ребо*“, „изба — *перти*“, „дверь — *ови*“, „неси (вынеси) — *канна*“, „бог — *юмала*“.

С другой стороны, отдельные слова, встречающиеся в обоих словарях, иногда передаются по-разному, например: русский глагол „есть“ (принимать пищу) в первом словаре передан как „*шувя*“; во втором (в соответствии с русским „накорми“) как „*сюота*“.

Издаваемые нами словарные записи достойны особенно пристального изучения еще по одной причине, чрезвычайно важной для истории культуры карельского народа. Они позволяют судить о наличии письменной фиксации карельской речи средствами русской графики.

В недавно опубликованной статье Ю. С. Елисеева приводится найденная А. В. Арциховским в 1957 г. при раскопках в Новгороде берестяная грамота № 292, содержащая текст заговора от молнии на каком-то прибалтийско-финском языке, по мнению автора — на карельском.¹ Грамота относится, по данным палеографии и стратиграфии, к XIII в. Если предположение автора правильно, то эта грамота является свидетельством самой древней фиксации карельской лексики средствами русской графики. Ю. С. Елисееву публикуемые нами записи не были известны.

Уже давно русскими историками было замечено, что в сочинениях нидерландского путешественника XVI в. Симона Ф. Салингена рассказывается о деятельности некоего Федора Жеденова из города Канда-лакши. Салинген сообщает об этом человеке, „слышшем за русского философа“, что он сочинил книгу, содержащую историю Карелии и Лапландии, и что он изобрел также письмена для карельского языка, „на котором никогда не писал (до того) ни один человек“. „Так, он показывал мне, — утверждал Салинген, — алфавит и рукопись Символа веры и «Отче наш»“.² М. П. Алексеев с полным основанием сопоста-

¹ Ю. С. Елисеев. Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков. Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., т. XVIII, вып. 1, М., 1959, стр. 65—72.

² Впервые сочинения С. Ф. Салингена были изданы в т. VII английского „Magazin Büsching“. Перевод опубликован в статье А. М. Филиппова „Русские в Лап-

вил деятельность филолога и историка XVI в., способствовавшего просвещению карел, вошедших в то время в состав централизованного Русского государства, с аналогичной деятельностью известного Стефана Пермского, который примерно за два столетия до Жеденова изобрел азбуку для народа коми и положил тем самым начало древней пермской письменности. По мнению М. П. Алексеева, деятельность Жеденова „свидетельствует лишний раз, что уже в XV—XVI веках среди русских книжников были люди, с большим вниманием и любознательностью относившиеся к разным языкам и к сопоставлениям этих языков со своим родным“.¹

Издаваемые нами записи также являются свидетельством внимательного отношения русских книжников к живой речи карельского народа.

ландии в XVI веке“, напечатанной в „Литературном вестнике“ за 1901 г. (№ 3, стр. 295—312). Вскоре на указанную статью откликнулся известный финский филолог Е. Н. Сетяля (Setälä), поместивший небольшую заметку в „Finnisch-ugrische Forschungen“ (1904 г., т. IV, вып. 1—3, стр. 55—58). Вслед за ними коснулся деятельности Федора Жеденова А. Тищенко в статье „К истории Колы и Печенги в XVI веке“. Эта работа появилась в Журнале Министерства Народного Просвещения в 1913 г. (июль, стр. 100). Наконец, недавно снова напомнил об этих фактах акад. М. П. Алексеев в своей вышеназванной статье. В подлиннике фамилия карельского просветителя названа Zydenov. Филиппов предлагал ее транслитерировать как Жиденов, или Чудинов, Тищенко читал эту фамилию — Жиденов, наконец, Алексеев по-голландски читает ее — Сиденев.

¹ М. П. Алексеев. Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбучниках. . . , стр. 30.